Яцевич М. Ю.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/65.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 184-186. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Исследования последних лет подтвердили, что современное отношение к семье в России весьма противоречиво и представляет собой конгломерат традиционных и демократических взглядов. Опросы показывают, что среди населения возрождается популярность традиционной модели организации семейной жизни, при которой мужчина занимается профессиональной деятельностью и финансовым обеспечением семьи, а женщина - домашним хозяйством. Большинство респондентов ориентированы, тем не менее, на более современную модель семьи с двумя работающими супругами. Установлено наличие двух противоположных тенденций: увеличение доли юношей, стремящихся самоутвердиться с помощью повышения своего статуса в семье, и увеличение доли девушек, стремящихся получить самостоятельность, экономическую независимость и возможность профессиональной самореализации. Некоторое усиление традиционных тенденций в развитии семьи может объясняться у молодых женщин своеобразной реакцией на переживаемый их матерями стресс, вызванный неспособностью эффективно совмещать две важные для них роли - профессиональную и семейную.

Рассматривая фактическую картину современных семей в России необходимо отметить многообразие существующих типов и моделей. Наблюдаются следы патриархального типа, основанного на материальной зависимости жены от мужа и детей от родителей, распространенность детоцентристского типа, для которого характерно повышение роли частной жизни и ценности детей, и становление супружеского типа, как считает С. И. Голод, минимально унифицированного, открывающего перспективу для личностного самовыражения.

Немыслимо говорить о возрождении института семьи, не занимаясь подготовкой молодежи к браку. Последнее заключается в воспитании тех добродетелей, без которых трудно представить благополучную семью: взаимопонимания, доброжелательности, внимательности, участия, готовности прийти на помощь. Для того, чтобы молодежь могла гармонично строить свои взаимоотношения в будущем браке, ей необходимо знать особенности психологии общения, межличностных отношений в современной семье.

Однако, в новых условиях семья может стать основной движущей силой общественного развития, если сумеет восстановить присущую ей гармонию. Открытость семьи, ее обращенность к прошлому и будущему создают реальную основу для перехода к новому обществу, которое нуждается в прочном семейном механизме. Поскольку в семье, при выполнении ее воспитательной функции, прививаются основные навыки межличностного и межгруппового взаимодействия, необходимо содействовать укреплению института семьи как проводника культурного и социального развития общества. Сегодня речь идёт, прежде всего, о развитии социальной инфраструктуры общества, о проектировании социальных институтов для решения новых задач, о более широком применении социальных технологий, в том числе и для решения проблем, стоящих перед семьей. Велика роль семьи в области социального партнерства, которое в современном обществе является важным звеном соединения коллективных и индивидуальных интересов. Не вызывает сомнения, что именно семья призвана обеспечивать воспроизводство общественно значимых ценностей, является главным агентом духовно-нравственного воспитания. Роль семьи в этом отношении носит определяющий характер и не может быть перенесена на какой-либо другой социальный институт без ущерба для личности и общества в целом.

Однако, не вызывает сомнения тот факт, что необходимо целенаправленное формирование позитивного образа семьи в обществе, так как народ, у которого нет понятия о семье, не имеет будущего, он просто обречен на вымирание. По нашему мнению, несмотря на трансформацию института семьи, ее приспособление к новым условиям, обострившееся противоречие между семейными и внесемейными ценностями, общечеловеческая значимость семьи, безусловно, сохраняется. Ценности семьи уникальны и жизненно необходимы для каждого человека.

Список литературы

Анисимов С. Ф. Введение в аксиологии. – М., 2001.
Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб., 1998.
Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. - 2004. - № 5.
Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. – СПб., 2007.
Социология семьи: Учебное пособие / Под ред. Е. М. Черняк. – М., 2008.
Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М., 2003.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Яцевич М. Ю.
Кузбасский государственный технический университет

В последние десятилетия в социальной философии наблюдается ситуация, когда одновременно существует множество конкурирующих между собой способов интерпретации общественного устройства, но при

этом, ни один из них не смог выйти на уровень новой теории, способной эффективно воздействовать на целый комплекс современных социальных проблем.

Для современной западноевропейской интеллектуальной традиции характерно противостояние двух способов понимания реальности: «модернистского» и «посмодернистского». «Модерн» является внутренне противоречивым феноменом. С одной стороны он ориентирован на разрыв с античными нормативными традициями, с другой – наследует все ее онтологические и эпистемологические установки. Данный тип дискурса, по мнению Р. Рорти, развёртывается вокруг таких традиционных для философии «трансцендентально означаемых» мифологем, как Абсолютная Истина, Бог, Бытие, Природа и т.д. В интерпретации новоевропейской философии эти метафизические категории стали инструментом для возведения на пьедестал нового Бога – Абсолютного Разума. В связи с этим, возникает и новая сакральная традиция, породившая модернистский тип цивилизации, ориентированный на господство идей Разума, Прогресса и Просвещения. Центральной фигурой этой эпохи становится мыслящий, автономный и креативный индивидуум, претендующий на особый онтологический и социальный статус. В эпистемологическом контексте рационалистские отношения между человеком и Бытием (обществом) закрепила парадигма Декарта-Канта, представив субъекта в качестве «монологичного» сознания, конструирующего реальность, как упорядоченную систему. При описании этой реальности метасловарь эпохи оперирует такими понятиями как «система», «закон», «правило», «норма» и придерживается оппозиций: «истинное - ложное», «высшее - низшее», «идеальное - реальное» и т.д.

Такого рода дискурс естественным образом конституирует и параметры социальных практик, где становятся желательными и даже общеобязательными стандартизация поведения, необходимость контроля и регламентации социальных отношений. При этом, «правильно организовать» социум, имеют легитимное право только представители нормативного знания, то есть представители закона и институтов власти. Рационализм, оптимизм и универсализм, утверждавшаяся вера в почти абсолютные познавательные возможности науки, воплотились в идеи планового и рационального построения социальной и политической жизни. Характерные для западного дискурса дихотомии – «истинное - ложное», «высшее - низшее», «идеальное - материальное» оказали важное значение на конструирование картины мира, где реальное бытие представляется «неистинным», требующим коррекции. Сфера идеального является познаваемой и, при условии «правильно» выбранной стратегии, может стать действительностью. Все социальные кризисы и моральные проблемы разрешимы но, при этом, они всегда опираются на один смысловой «центр», имеют единственно верный вариант решения. В этот период в социальной онтологии особое значение приобретает идеология, которая в логике европейского рационализма понимается как теоретическая конструкция, позиционирующая определенную картину мира, выражающая интересы властных структур («господствующего класса» К. Маркс) и претендующая на «объективное» знание о социальном мире.

Так новый тип социальной метафизики, фиксируя сверхфизическое, «идеальное» бытие, предложил и соответствующий инструментарий: активная институализация социальных отношений, оформление жестко иерархичной структуры власти, унификация всех важнейших сфер социальной жизни, контроль за основными процессами в обществе, стандартизация поведения и т.д. Эти тенденции отчетливо проявились во всех без исключения социальных метадоктринах эпохи модерна. При этом, такие ориентиры модерна, как рационализация, технологизация, демократизация, стремление к обновлению и свободе, породили как либеральные проекты, так и программы тотальной мобилизации, характерные для фашизма и коммунизма.

Конец XX века позиционировал «крах идеологий». Несостоятельность модернистских идеологем спровоцировала серьезную критику методологических оснований понимания социальной реальности. Во многом именно эти события стали причиной возникновения альтернативной интеллектуальной традиции – постмодернизма. Представители данного течения связывали большинство социальных проблем 20 века с доминированием модернистского дискурса, который они обозначили не более, как «вариант языковой игры», претендующий на универсальность, объективность и истинность. Постмодернисты, предлагая альтернативные интерпретации Бытия, раскрывают его, как некий «текст», совокупность историй, «нарраций». Понимание «подвижного» Бытия, по их мнению, не должно замыкать его в сети схематизма, а напротив, способствовать его раскрытию, давать возможность «проникновения» в его многозначность. Познание не может умещаться только в рамки аналитической процедуры линейного исследования, а является «интерсубъективной интерпретацией культурных текстов», раскрывающее многообразие человеческого опыта. При этом, социальная онтология, освободившись от «метафизического мусора» (Ж. Делез) и «дихотомий», должна разворачиваться как свободный поиск различных вариантов межличностных коммуникаций. Отсутствие метанарратива (концепции, легитимирующей собственный статус и закрепляющей существующие властные структуры), даст возможность спонтанному и свободному развитию социальных форм. Таким образом, социальный мир будущего представляется в виде «сплетения историй» отдельных людей, объединенных «желанием солидарности», а не желанием «объективности» (Р. Рорти).

Идеология, в этом контексте, стала пониматься, как весьма размытая совокупность социальных, языковых практик и механизмов, детерминирующих любые формы субъективной рефлексии. Для многих представителей этого направления идеология предстала в виде «социальной инстанции» или метадискурса, формирующего смысловое пространство социума. Все социальные доктрины, претендующие на статус рациональных и объективных теорий, были представлены как метанарративы, существующие для легитимации собственного господствующего положения и поддержания властных полномочий ее агентов. Исследователи

данного феномена (Р. Барт, С. Жижек) хотя и фиксируют иллюзорность, фантазматичность идеологии, все же констатируют невозможность познающего субъекта выйти за пределы идеологического поля, найти «место» «стороннего наблюдателя», не охваченного «идеологическим флером».

Такое прочтение идеологии приводит их к выводу, что единственный способ избавиться от идеологии – признать ее иррациональный (случайный) характер и отказаться от обоснований, приписывающих ей смысл. Лишенная смысла и веры, идеология перестанет быть конституирующей силой социального бытия.

Но парадокс состоит в том, что все концепты, детерминирующие индивидуальное / социальное бытие, являются следствием определенных дискурсивных установок. Рациональный анализ смыслового содержания идеологемы, может быть проведен только лишь с помощью когнитивной процедуры, принадлежащей другой эпистемологической установке, которая в этом случае претендует на объективность и истинность. Таким образом, любая исследовательская программа, в том числе и постмодернистская, не имеет методологической возможности избежать структурирования реальности. Любой дискурс стремится выйти на уровень метадоктрины и конституировать бытие исходя из собственного видения «идеального». Очевидно, что и современная социальная онтология также имеет мало шансов избавиться от необходимости структурирования и преодолеть стремление субъекта к формированию «трансцендентально означаемых» мифологем. А спонтанность и свобода, скорее смогут быть реализованы в выборе моральных установок, обоснованных с помощью принципиально новых социальных идей, способных преодолеть социальную аномию и интегрировать сообщество вокруг новых смыслов.